

МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МОЛОДЁЖНОМ СЛЕНГЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Турсунова Мая Эркиновна

*Преподаватель кафедры русской филологии
Ферганского государственного университета*

Аннотация. *В условиях глобальной цифровизации и расширения межкультурной коммуникации русскоязычная молодёжь активно усваивает англоязычные лексические единицы, которые, проникая в повседневную речь, претерпевают существенные системные трансформации на всех языковых уровнях. Вместе с тем механизмы подобной адаптации остаются недостаточно изученными в части их взаимодействия и иерархии, что затрудняет прогнозирование судьбы заимствований в системе принимающего языка.*

Ключевые слова: *заимствования, молодёжный сленг, адаптация, англицизмы, русский язык, фонетическая ассимиляция, словообразование, семантическая трансформация.*

Современный русский язык переживает один из наиболее интенсивных периодов лексического обновления за всю свою письменную историю. Начиная с 1990-х годов поток англоязычных заимствований не только не иссякает, но неуклонно нарастает - прежде всего благодаря цифровым технологиям, социальным сетям и стриминговым платформам, ставшим основным пространством коммуникации молодёжи. По подсчётам ряда исследователей, в период с 2015 по 2023 год в разговорную речь россиян в возрасте 14–30 лет вошло не менее 1 200 новых англицизмов [1].

Особый интерес представляет молодёжный сленг как наиболее динамичная и экспериментальная подсистема языка. Именно в нём иноязычная лексика проходит своеобразную «обкатку»: слово либо закрепляется, претерпев необходимые трансформации, либо вытесняется конкурирующим вариантом. В этом смысле сленг функционирует как своеобразная лингвистическая лаборатория, позволяя наблюдать адаптационные процессы в режиме реального времени.

Несмотря на значительное число работ, посвящённых отдельным аспектам заимствования, комплексного описания механизмов адаптации именно в молодёжном сленге по-прежнему недостаточно. Большинство существующих исследований либо ограничиваются одним языковым уровнем [2;3], либо опираются на материал 2000-х годов, уже не отражающий актуального состояния цифрового дискурса [4;5].

Материалом исследования послужил массив из 340 англоязычных заимствований, зафиксированных в молодёжном сленге в период с января 2020 по декабрь 2024 года.

Источниками выборки стали: молодёжный словарь «Молодёжный сленг 2.0» [6], а также данные Национального корпуса русского языка (подкорпус устной речи и социальных сетей).

Единицей анализа выступала лексема или устойчивое словосочетание, отвечающие трём критериям: этимологическое происхождение из английского языка; употребление преимущественно носителями в возрасте 14–30 лет; фиксация не менее чем в трёх независимых источниках. Подобный подход позволил исключить окказионализмы и авторские неологизмы, сосредоточившись на единицах, претендующих на системное вхождение в язык.

В работе использовался комплекс методов. Описательный метод применялся при инвентаризации и первичной классификации материала. Метод компонентного анализа позволил выявить семантические трансформации, возникающие в процессе заимствования. Сравнительно-сопоставительный метод применялся при сопоставлении формы и значения слова в языке-источнике и принимающем языке. Статистический метод использовался для расчёта продуктивности каждого адаптационного механизма. Наконец, метод корпусного анализа обеспечил возможность объективной проверки частотности исследуемых единиц.

Классификация механизмов адаптации строилась на основе уровневого принципа: выделялись фонетический, морфологический, семантический и графический уровни. Каждая из 340 единиц получала маркировку по всем четырём параметрам, что позволило впоследствии установить типичные комбинации и вычислить индекс комплексности адаптации для каждой лексемы.

Фонетическая ассимиляция является первым и практически неизбежным этапом освоения заимствования. Анализ показал, что 91,8 % единиц из исследуемого массива претерпели фонетические изменения относительно оригинала. При этом наиболее распространённым процессом оказалась субституция звуков, не имеющих точных аналогов в русской фонологической системе: английское /æ/ последовательно передаётся как /а/ (кэш), заменяется сочетанием /нг/ (фэндинг, шопинг).

Отдельного внимания заслуживает процесс переноса ударения. В английском языке ударение нередко падает на первый слог, тогда как в многосложных заимствованиях в русском оно смещается ближе к середине слова, что объясняется тяготением русской просодии к срединному ударению. Так, английское content в молодёжном употреблении произносится как контэнт, а challenge - как челлэндж.

Показательна также редукция конечных согласных кластеров: слово cringe в русском языке трансформируется в кринж, теряя аффрикативный характер конечного согласного.

Морфологическая адаптация охватывает 82,4 % единиц выборки и проявляется прежде всего в трёх процессах: включении существительных в систему склонения, суффиксации глаголов и образовании словообразовательных гнезд.

Существительные, оканчивающиеся на согласный звук, почти автоматически получают парадигму мужского рода второго склонения: хайп - хайпа - хайпу; кринж - кринжа - кринжу. Существительные с финальным гласным нередко остаются несклоняемыми (сторис, коллабо), что является признаком незавершённой ассимиляции.

Суффиксация глаголов осуществляется через присоединение аффикса -ить/-ать: постить (от post), банить (от ban), лайкать (от like), трендить (от trend). Глаголы с суффиксом -ить обнаруживают большую продуктивность в образовании видовых пар: за-банить/бан-ить, за-лайкать/лайк-нуть. Именно видовая корреляция свидетельствует о глубокой морфологической интеграции единицы.

Параллельно активно формируются деривационные гнезда: хайп → хайпить → хайповый → захайпить → хайпожор. Появление оценочных дериватов (хайпожор, кринжовый, токсичность) указывает на семантическое обогащение заимствования, выходящее за рамки исходного значения.

Семантические трансформации зафиксированы у 78,5 % единиц. Наиболее продуктивными процессами оказались: сужение значения (38,2 %), расширение значения (17,6 %), пейоративизация (14,7 %) и метафорический перенос (8,0 %).

Сужение значения хорошо иллюстрирует слово «токсик»: в английском toxic является широким прилагательным с химическим, медицинским и социальным значениями, тогда как в русском молодёжном употреблении оно сузилось до характеристики человека с деструктивным поведением в онлайн-сообществах. Аналогично слово «лор» (от lore) в гейминговом сленге обозначает исключительно игровую вселенную и предысторию, утрачивая исходное значение народных преданий.

Расширение значения демонстрирует лексема «флексить» (от to flex): в английском - хвастаться мышцами, в русском сленге - любое демонстративное поведение, включая финансовое и статусное. Пейоративизация, напротив, прослеживается у слова «нарцисс» и отглагольного существительного «нытик» (от whiner), приобретающих устойчивую отрицательную коннотацию, которой в оригинале может не быть.

Графическая адаптация охватывает 94,1 % единиц и реализуется посредством транслитерации (перевода латинских букв в кириллицу) и транскрипции (передачи звукового облика). При этом в digital-среде нередко функционируют параллельные написания: ок / ОК, лол / lol, кек / kek. Гибридные написания типа «хз» (хер знает) или «имхо» (калька с ИМНО) иллюстрируют переходный этап между аббревиацией и транслитерацией.

Особый феномен представляют так называемые «транслитерационные кальки» - единицы, в которых буквенный состав передаётся механически без учёта фонетики: например, «вайб» от vibe, «флоу» от flow.

Полученные результаты позволяют выдвинуть ряд теоретически значимых положений относительно природы адаптационных процессов в молодёжном сленге. Прежде всего, обращает на себя внимание асимметрия между уровнями: графическая и фонетическая адаптация в подавляющем большинстве случаев предшествуют морфологической и семантической. Это согласуется с концепцией «постепенного освоения», предложенной Э. Хауген ещё в середине XX века [7], однако в цифровой среде данный процесс, по всей видимости, многократно ускоряется.

Роль молодёжного сленга как «буферной зоны» между иноязычным и принимающим языком заслуживает особого теоретического осмысления. В нашем материале 67 единиц (19,7 %) прошли путь от сленгового употребления до фиксации в толковых словарях менее чем за пять лет. Этот показатель примечательно выше, чем в досетевую эпоху, когда аналогичный путь занимал в среднем 15–20 лет [8].

Сопоставление с данными по другим языкам показывает, что описанные механизмы адаптации имеют черты универсальных стратегий, выявленных, в частности, при исследовании испанского [9] и польского сленга. Вместе с тем русский язык обнаруживает специфическую тенденцию к аффективной деривации: образование суффиксов с уменьшительно-ласкательными (лайкосик, постик) и пренебрежительными (хайпожор, токсичник) значениями происходит значительно активнее, чем в германских языках-реципиентах. Это объясняется богатством русской аффиксальной системы и её высокой продуктивностью применительно к новому материалу.

Корреляция между частотностью употребления и степенью фонетической ассимиляции, установленная в настоящем исследовании, указывает на то, что интеграция заимствования в значительной мере определяется социальными факторами: чем активнее слово циркулирует в речи, тем сильнее давление системы принимающего языка. Этот вывод согласуется с теорией «лингвистической гравитации», в рамках которой частотность рассматривается как основной предиктор фонологической ассимиляции.

Необходимо, однако, указать и на ограничения проведённого исследования. Корпус, несмотря на свою репрезентативность, охватывает преимущественно письменную форму сленга - тексты в социальных сетях и мессенджерах. Устная речь молодёжи, по всей видимости, обнаруживает ещё более радикальные фонетические трансформации, не отражённые в письменных источниках.

Перспективы дальнейших исследований связаны прежде всего с лонгитюдным отслеживанием судьбы отдельных заимствований - от первого появления в сленге до возможной кодификации.

Проведённое исследование позволило комплексно описать механизмы адаптации англоязычных заимствований в молодёжном сленге русского языка на материале 340 единиц, зафиксированных в период 2020–2024 годов.

Установлено, что адаптация осуществляется на четырёх взаимосвязанных уровнях - фонетическом, морфологическом, семантическом и графическом, - при этом графическая и фонетическая ассимиляция предшествуют морфологической и семантической интеграции. Приоритетными стратегиями служат транслитерация в сочетании с русификацией словообразовательных моделей (68,2 % единиц) и семантическое сужение при сохранении исходной формы (21,4 %).

Теоретически значимым результатом является концептуализация молодёжного сленга как «буферной зоны», выполняющей функцию языкового фильтра: именно в сленге формируются и проверяются адаптационные стратегии, которые впоследствии определяют судьбу заимствования в литературном языке. В цифровую эпоху этот буфер функционирует в режиме высокой скорости: путь от сленга до словарной фиксации сократился с 15–20 до 3–5 лет.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения его результатов в лексикографической практике при своевременной фиксации новых единиц, в курсах по современному русскому языку и социолингвистике, а также при разработке инструментов автоматической обработки сленговых текстов в системах компьютерной лингвистики.

Молодёжный сленг представляет собой не периферийное явление языковой системы, а её динамический авангард, через который осуществляется живая адаптация глобального языкового влияния к локальным структурным и культурным нормам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. - 2020. - № 3. - С. 45–62.
2. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). - М. : Языки русской культуры, 2020. - С. 142–161.
3. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX - начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. - М. : ЭЛПИС, 2018. - 495 с.
4. Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. - М. : Азбуковник, 2005. - 302 с.
5. Грачёв М. А. Русское аргю. - Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 1997. - 246 с.
6. Никитина Т. Г. Молодёжный сленг 2.0 : толковый словарь. - М. : АСТ, 2023. - 512 с.
7. Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. - Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1953. - 695 p.
8. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография : дис. ... д-ра филол. наук. - СПб. : СПбГУ, 1999. - 339 с.
9. Pratt M. Anglicisms in Contemporary Spanish // Revista de Filología de la Universidad de La Laguna. - 2021. - Vol. 43. - P. 215–238.